

Мержанов Борис
Миронович

2.07.92

Судьбу не выбирают...

- Ну и судьба у вас! - невольно произнесла я.
Борис Миронович Мержанов ответил спокойно:
- Типичная, нормальная судьба для человека XX столетия в России.

Он происходит из семьи, где на протяжении полутора веков занимаются архитектурой. Его дед, отец матери, был известным на Северном Кавказе зодчим. Эммануил Борисович Хаджаев построил здесь очень много - около трехсот объектов. Только в одном Кисловодске - десятки прекрасных зданий. Свою дочь Эммануил Борисович выдал замуж за архитектора Мирона Ивановича Мержанова. (Это отец и мать Бориса Мироновича.) Он был достаточно известным в своей области, одним из основателей Союза архитекторов страны. Вся жизнь Бориса была связана с Домом архитектора. Помнятся с детства утренники и новогодние елки еще в старом особняке на Новинском бульваре. А потом отец, став одним из авторов проекта Дома архитектора в Гранатном переулке, иногда брал сына с собой на авторский надзор. Да и дома всегда велись разговоры об архитектуре.

- Моя жена Эльвира Петровна тоже архитектор, - рассказывает Борис Миронович. - Она один из авторов проекта города Набережные Челны. Архитектором стал и наш сын Сергей, окончивший МАРХИ и работающий сейчас в Госстрое России. Так что архитектура лежит в основе и наших семейных отношений, и творческих устремлений.

Бориса Мироновича вполне можно считать москвичом, хотя родился он в Кисловодске. В 1931-м, когда Борису было всего три годика, отца пригласили на работу в Москву. Он был не просто главным архитектором ВЦИКа, но и сталинским архитектором. Строил все его дачи, бывал у него, разговаривал с ним, получал от него задания. Иногда Сталин давал поручения, выходящие за рамки отцовской профессии. Например, сделать эскиз Золотой Звезды Героя Советского Союза, а затем - и Героя Социалистического Труда.

Семья Мержановых жила тогда в знаменитом доме на улице Грановского (ныне Романов переулок), увешанном мемориальными досками. В этом элитном при всех властях доме, которому более ста лет, жили Троцкий, Хрущев, Косыгин, Жуков, Буденный, Яков Сталин, Отто Шмидт, Роман Кармен, родственники Сталина - Сванидзе и Енукидзе...

- Я играл с теми их детьми, кто приходился мне ровесником, - вспоминает Борис Миронович. - Хорошо помню Якова Сталина. Он был очень выдержанным, спокойным, всегда первый со всеми здоровался. В доме его любили. Каждый день он возвращался из академии, где учился, и во дворе встречался с няней и своей маленькой дочкой. Брал ее на руки, играл с ней... Потом они все вместе уходили. У Якова была очень красивая жена. Когда он попал в плен, все за него так переживали...

В 1937 году в этом доме было арестовано больше двух третей жильцов. Родителей арестовали в 1943-м с конфискацией имущества. Бесследно исчезли уникальные материалы, документы, связанные с прошлым веком.

- После ареста родителей, - вспоминает Борис Миронович, - многие их друзья, завидев меня, переходили на другую сторону улицы. Время было тяжелое. А вот министр финансов Арсений Григорьевич Зверев, живший в нашем доме, после ареста родителей посоветовал своему сыну продолжать со мной дружить. Я бывал у них дома и, честно говоря, ел там досыта. А ведь он, член ЦК, хорошо понимал, чем это грозит. Но он происходил из крестьян - возможно, это что-то объясняет. Спустя несколько десятилетий я, уже состоявшийся человек, встречался с друзьями родителей, но никогда не пытался напоминать им о 1937-м.

Едва Борису исполнилось восемнадцать, арестовали и его. Вся семья прошла через гулаговский ад. Мать была в Караганде, там же в лагере она и умерла. Отец попал в Комсомольск-на-Амуре. Он освободился только через одиннадцать лет. А Борис отбывал срок в Волголаге Ярославской области, строил промышленные и жилые объекты. В частности, большой кабельный завод в районе Рыбинска и рабочий поселок для заводчан из двухэтажных домов.

Будучи в ссылке, Мирон Иванович очень быстро начал проектировать. Под конвоем его привезли в Москву, во внутреннюю тюрьму МГБ, и тогдашний министр Абакумов дал зеку поручение - спроектировать санаторий для работников госбезопасности. Так Мирон Мержанов оказался в знаменитой шарашке, описанной Солженицыным в «Круге первом». Здесь вместе с другими архитекторами работал над проектом сочинского санатория имени Дзержинского. Когда санаторий был достроен, Мержанова опять отправили в лагерь.

С отцом Борис Миронович встретился уже после того, как тот отбыл срок и был отправлен на поселение в Красноярск. Освободившийся к тому времени сын приехал к отцу. Вместе прожили там шесть лет, оба работали в проектном институте. Мержанов-старший возглавлял в те годы Красноярский филиал Госстройпроекта. Потом Борис Миронович переехал в Москву, получил вместо конфискованной дачи участок и построил за городом дом. Туда к нему приехал отец, и больше они не разлучались до самой смерти Мирона Ивановича.

Самым большим своим везением на поприще архитектуры Борис Мержанов считает то, что ему удалось познать ее в трех ипостасях. Будучи заключенным, работал на стройке, пройдя путь от разнорабочего до прораба, узнал весь производственный цикл. Когда приехал к

отцу в Красноярск, поработал в проектном институте, где прошел путь от техника до руководителя группы. И, наконец, окончив аспирантуру, занялся наукой.

Чтобы не отстать от сверстников, Борис, когда освободился из заключения, решил учиться вечерами и заочно. Сначала окончил строительный факультет Всесоюзного заочного политехнического института, а потом - факультет архитектурного усовершенствования. В 1959-м поступил в аспирантуру, защитил сначала кандидатскую диссертацию, а затем и докторскую. У него 117 научных трудов. Он продолжает работать в ЦНИИЭП жилища и в НИИТАГе.

Меня поразило, что в этом человеке нет ни капли ненависти.

- Меня освободили в 23 года. У меня все еще было впереди, - говорит Борис Миронович, - и я начал энергично жить. Ни на кого не обижался, вкалывал, снова вступил в комсомол... Меня не обошли радости жизни. Я награжден орденами «Знак Почета» и Дружбы народов. Мало того, в 1965-м вступил в партию и несколько лет был секретарем партийной организации в ЦНИИЭПе.

12 лет Мержанов был членом правления Союза архитекторов страны. Он и сегодня - заместитель председателя Архфонда, член правления Центрального Дома архитектора.

Борис Миронович трезво оценивает время, в которое довелось жить:

- Мы были под страшным пресом. В основе всего лежала политика. Целые десятилетия прошли у нас под знаком превосходства политики над экономической, над всеми отраслями человеческой деятельности, включая архитектуру.

И в то же время квартплата составляла 4 процента от бюджета семьи индустриального рабочего, 90 с лишним квартир из 100 люди получали бесплатно...

Я прожил эти годы вместе со своей страной, потому что судьбу не выбирают. А вот свободе творчества нынешних архитекторов я, конечно же, рад.

Берта БУХАРИНА.

Раздел ведет Татьяна СЕРГЕЕВА. Тел. 256-94-20.

Моск. правда. - 2002. - 2 июля. - С. 3